

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

**Предисловие и редакция Л.Н. Толстого
Перевод с французского М.Л. Толстой**

*(Продолжение. Начало см. № 3'2014, 4'2014, 1'2015,
2'2015)*

Протестантство есть
соединение
авторитета писаний
и свободного
исследования

28 апреля 1866 г. Протестантство есть соединение двух факторов – авторитета писаний и свободного исследования; но как скоро один из этих двух факторов находится в опасности или исчезает, протестантство исчезает; его заменяет другая форма христианства, как, например, братство святого Духа или христианский теизм. Что касается меня, я не имею ничего против такого результата; но я считаю друзей протестантской церкви логичными, когда они отказываются отступать от символа апостолов, и, напротив, считаю индивидуалистов нелогичными, когда они хотят сохранить протестантство без авторитета.

Религия есть
общение с Богом

Вопрос о методе разделяет два лагеря. Я отделяюсь, по существу, от обоих лагерей. По-моему, христианство, прежде всего, религиозно, а религия не есть метод; религия есть жизнь высшая, сверхъестественная, жизнь мистическая в корне своем и практическая по своим плодам; религия есть общение с Богом, глубокая и тихая восторженность, лучистая любовь, деятельная сила, изливающаяся счастье: одним словом, религия есть состояние души.

Сущность
в божественном
чувстве жизни

Споры о методах имеют свое значение, но значение это второстепенно: они не утешат сердца, но просветят совести. Поэтому я вовсе не интересуюсь этой борьбой духовных партий. Пусть остаются победителями те или

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

другие, сущность дела от этого ничего не выигрывает, потому что догматика, критика, церковь не составляют религии, а сущность – в религии, в божественном чувстве жизни. *«Ищите царствия Божия и правды его, а это все приложится вам»*. Самое христианское есть самое святое, – вот критерий, с которым меньше всего ошибешься. *«Поэтому узнают, что вы мои ученики, если любовь имеете между собой»*. Каков человек, такова и религия. Народный инстинкт и философский разум сходятся в этом критерии. Будьте благочестивы, добры, героичны и терпеливы, верны и самоотверженны, смиренны и милосердны: и тот катехизис, в котором вы научились этому, безошибочен. Через религию вы живете в Боге, всеми же этими спорами живешь только с людьми и с черными фраками. Так что нет соответствия.

Совершенство есть цель: разве не в этом все христианство?

Совершенство как цель, пример как поддержка, божественное, доказанное только его совершенством: разве не в этом все христианство? Бог все и во всех, разве не в этом его совершение?

Большинство талантливых молодых людей смотрит на скептицизм как на охрану свободы мысли

13 декабря 1866 г. Большинство наших талантливых молодых людей смотрит на чистый и простой скептицизм, как на охрану свободы мысли. Уничтожение суеверий представляется высшей славой человека. А я думаю, что это уничтожение суеверий выгодно тирании. Прислушиваясь нынче вечером к разговору некоторых образованных людей, я думал о времени Возрождения, о Птоломеях, о царствовании Людовика XV, когда веселая анархия мысли соответствовала деспотизму власти, и, обратно, думал об Англии, Голландии, Соединенных Штатах, где политическая свобода покупается известными предвзятыми мнениями и необходимыми предрассудками. Для того чтобы общество не распалось, нужен соединяющий его принцип, следовательно – общее верование, всеми принятые и неоспариваемые принципы, ряд практических аксиом и учреждений, которые не могут быть разрушены всяким капризом общественного мнения настоящего дня.

Сомнение – соучастник тирании

Сомнение – соучастник тирании. *«Если народ не хочет верить, он должен служить»*, – сказал Токвиль. Всякая свобода включает известную зависимость и налагает свои условия. Вот что забывают отрицающие, фрондирующие умы. Они думают, что можно задуть религию; они не знают, что религию уничтожить нельзя и что вопрос только в том, какая она будет. Вольтер поддерживает Лойолу, и обратно. Между ними не может быть мира, точно так же как и для общества, вступившего в такую дилемму. Разрешение вопроса – в религии, свободной, свободно выбранной, свободно принятой.

Я обладаю несколько
утонченным
пониманием других
умов

...Удивительно ли то, что недоразумение играет такую важную роль в мире, когда мы видим трудность попыток написать верный портрет с человека, которого изучаешь в течение двадцати лет? Впрочем, такое усилие не пропадает даром; его награда заключается в обострении внешней наблюдательности. Если я обладаю несколько утонченным пониманием других умов, я, конечно, обязан этой способности постоянному анализу самого себя и неудачам его. Собственно говоря, я всегда брал себя предметом изучения; самое приятное в этом было то, что у меня под руками как самый верный образчик человеческой природы был человек, на котором я мог без навязчивости и нескромности следить за всеми видоизменениями, за самыми сокровенными мыслями, за каждым биением сердца, за всеми искушениями его. Я относился к себе совершенно безлично, с философской точки зрения. Пользуешься тем, что имеешь.

Я чувствую, как
летят мои дни
навстречу смерти

11 января 1867 г. Я явственно слышу, как капли моей жизни падают в пожирающую бездну вечности. Я чувствую, как летят мои дни навстречу смерти. Весь тот остаток недель, месяцев или лет, в течение которого я еще могу упиваться солнечным светом, мне представляется не более как одною ночью, летнею ночью, которая и за ночь не считается, так как она вот-вот кончится.

Лишь бы сознание
долга не обмануло
нас

Смерть! безмолвие! бездна! – Страшные тайны для существа, которое стремится к бессмертию, к благу, к совершенству! Где буду я завтра, через несколько времени, когда я больше не буду дышать? Где будут те, которых я люблю? Куда мы идем? Что мы такое? Вечные загадки постоянно стоят перед нами в их неумолимой торжественности. Тайны со всех сторон! Вера – единственная звезда в этом мраке неизвестности...

Ну, что же! лишь бы мир был произведением блага и лишь бы сознание долга не обмануло нас. Доставлять счастье и делать добро – вот наш закон, наш якорь спасенья, наш маяк, смысл нашей жизни. Пусть погибнут все религии, только бы оставалась эта; у нас будет идеал и стоит жить.

Неумолимые года
толкают нас
к могиле

15 апреля 1867 г. Нынче ночью буря с дождем. Сыро и мрачно перед окном и крыши глянцевоиты от воды. Весна делает свое дело, да, и неумолимые года толкают нас к могиле.

Предвкушение
вечного сна охватывает
меня

Да, каждому своя очередь!
Грусть, вялость, усталость! Предвкушение вечного сна охватывает меня изредка перебиваемую потребно-

стью жертвы героической, продолжительной. И в самом деле и то, и другое суть два различных средства уйти от самого себя. Заснуть или отдаться, чтобы умереть своему Я: в этом стремление сердца. Бедное сердце!

Встань из мертвых! Запас мужества – вот что нужно постоянно освежать в самом себе

17 апреля 1867 г. Проснись, встань из мертвых! Запас твоего мужества, вот что нужно тебе постоянно освежать в самом себе. По естественному склону твоего характера ты доходишь до отвращения к жизни, до уныния, до пессимизма.

Спокойствие может обернуться скрытым сокрушением

«Человек счастливый, счастливеец век», по мнению госпожи ***, есть *Weltmüde**, который представляется счастливым перед людьми и который отвлекается, насколько он может, от своей тайной мысли, мысли смертельно грустной, мысли о непоправимом. Его спокойствие есть не что иное, как скрытое сокрушение; его веселость – не что иное, как беззаботность разочарованного сердца, во что иное, как откладывание на неопределенное время надежды на счастье. Его мудрость есть только приспособление к лишениям, вся его кротость скорее терпеливое, чем сознательное отречение. Словом, он переносит свое существование без радости и не может скрыть от себя, что все выгоды этого существования не наполняют душу до дна. Жажда бесконечного не утолена. Бог отсутствует.

Вера дает силу и спокойствие

Чтобы испытать истинное спокойствие, нужно чувствовать себя руководимым, прощенным, поддерживаемым высшей силой; нужно чувствовать себя на своем пути, на месте, назначенном Богом, в Его порядке. Эта вера дает силу и спокойствие. У тебя нет ее. То, что есть, кажется тебе произвольным, случайным, могущим быть или не быть. Ничего из того, что с тобой случается, не кажется тебе предопределенным, все кажется тебе предоставленным на твою ответственность, и эта-то мысль отвращает тебя от управления твоей жизнью.

Ты хотел отдаться какой-то благородной цели

Ты хотел отдаться какой-то высшей любви, какой-то благородной цели, ты хотел бы жить и умереть за идеал, то есть за святое дело. Раз ты убедился в невозможности этого, ты ни за что не взялся всем сердцем и только играл своей судьбой, обману которой ты уже не подчинялся. *Nada***!

Будешь ли ты до конца продолжать жить, колеблясь между долгом и счастьем

Ну, что ж! Сибарит, мечтатель, будешь ли ты до конца продолжать жить так, колеблясь между долгом и счастьем, ни на что не решаясь? Разве жизнь не есть

* Уставший от мира.

** «Ничего» – по-испански.

Когда внешний человек разрушается, тогда для него становится главным – верить в бессмертие своего существа

испытание нашей нравственной силы, и все эти внутренние колебания разве не искушения души?

25 января 1868 г. Когда внешний человек разрушается, тогда становится для него главным делом – верить в бессмертие своего существа и думать вместе с апостолом, что внутренний человек обновляется изо дня в день. А что же делать тем, которые сомневаются в этом и не имеют этой надежды? Весь остаток их жизненного пути сводится к вынужденному расчленению их маленького царства, к постепенному разрушению их существа неумолимой судьбой. Тяжело присутствовать при этом продолжительном умирании, привалы которого мрачны и последний предел которого неизбежен. Понятно, что стоицизм признавал право самоубийства. В чем твоя теперешняя вера? Не охватило ли и тебя всеобщее сомнение или, по крайней мере, довольно обыкновенное сомнение науки?

Ты отстаивал бессмертие души перед скептиками

Ты отстаивал бессмертие души перед скептиками, но, и заставив их замолчать, ты тем не менее в глубине не уверен в том, что ты не согласен с ними. Ты хотел бы обойтись без надежды, а между тем очень вероятно, что у тебя на это нет уже силы, и что тебе нужно, как и всякому другому, быть поддерживаемым, утешаемым верованием, – верованием в прощение и бессмертие, то есть религиозным верованием христианской формы. Разум и мысль устают так же, как мускулы и нервы. Им нужен сон. И этот сон есть возвращение к детским преданиям, к обычной надежде. Так утомительно держаться на исключительной точке зрения, что впадаешь в предрассудок только потому, что опускаешься, также как стоящий человек всегда кончит тем, что опустится на землю в горизонтальное положение.

Что делать, когда все нас оставляет?

Что делать, когда все нас оставляет: здоровье, радость, привязанность, свежесть чувства, память, способность к труду, когда нам кажется, что солнце холодеет, а жизнь как будто теряет все свои прелести? Как быть, когда нет никакой надежды? Одурманиваться или каменеть?

Будь тем, чем ты должен быть, – остальное дело Божье

Ответ всегда один: исполнение долга. Будь что будет, если чувствуешь спокойствие совести, если чувствуешь себя примиренным и на своем месте. Будь тем, чем ты должен быть, – остальное дело Божье. И если бы даже не было Бога, святого и доброго, а было бы только всеобщее, великое существо, закон всего, идеал без ипостаси и реальности, долг был бы все-таки разгадкой тайны и полярной звездой для движущегося человечества.

Fais ce que dois, advienne que pourra*

* Делай то, что должен, а будь, что будет.

Благословенно
детство

26 января 1868 г. Благословенно детство, которое среди жесткости земли дает хоть немного неба. Эти восемьдесят тысяч ежедневных рождений, о которых говорит статистика, составляют как бы излияния невинности и свежести, которая борется не только против уничтожения рода, но и против человеческой испорченности и всеобщего заражения грехом. Все добрые чувства, вызываемые около колыбели и детства, составляют одну из тайн великого провидения; уничтожьте вы эту освежающую росу, и вихрь эгоистических страстей как огнем высушит человеческое общество.

Если бы
человечество
состояло из
бессмертных
сущест, мы стали
бы в тысячу раз
ученее, но и в тысячу
раз хуже

Если предположить, что человечество состояло бы из миллиарда бессмертных существ, число которых не могло бы ни увеличиваться, ни уменьшаться, где бы мы были и что бы мы были, великий Боже! Мы стали бы без сомнения, в тысячу раз ученее, но и в тысячу раз хуже. Знание накопилось бы, но все добродетели, которые зарождаются от страданий и преданности, то есть семья и общество, были бы мертвы. Не было бы возмещения.

Только благодаря
детству мы видим
на земле частичку
рая

Благословенно детство за то благо, которое оно дает само и за то добро, которое оно производит, но зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему, мы видим на земле частичку рая. Без родительских чувств, я думаю, что самой любви недостаточно было бы, чтобы препятствовать бессмертным людям пожирать друг друга, разумеется таким людям, какими сделали их наши страсти. Ангелы не нуждаются ни в рождении, ни в смерти для того, чтобы жить, потому что их жизнь небесна.

Огромная лавина
начинается
с оторвавшегося
атома

19 марта 1868 г. Так называемые маленькие вещи составляют причину больших, потому что они составляют их начало, зародыш; и исходная точка существования решает обыкновенно все их будущее. Черное пятнышко есть начало появления гангрены, урагана, революции, пятнышко и ничего больше. Из незаметного недоразумения может возникнуть ненависть и раздор. Огромная лавина начинается с оторвавшегося атома, пожар города – от упавшей спички.

Рискованно ставить
себя вне закона
человеческого рода

Достаточно заткнуть себе уши в зале, где танцуют, чтобы вообразить себя в доме сумасшедших. На человека, уничтожавшего в себе религиозное сознание, все религиозные культы человечества должны производить такое же впечатление. Но рискованно ставить себя вне закона человеческого рода, и считать себя правее всех остальных людей.

Насмешники редко жертвуют собой. Зачем они будут это делать? Жертва серьезна, а им перестать смеяться – это значит выйти из своей роли.

Чтобы жертвовать собою, нужно любить

Чтобы жертвовать собою, нужно любить; чтобы любить, нужно верить в действительность того, что любишь; нужно уметь страдать, забывать себя, отдаваться, словом, быть серьезным. Вечный смех есть полное уединение, это есть провозглашение совершенного эгоизма. Чтобы делать людям добро, нужно жалеть их, а не презирать и не говорить о них: дураки! но говорить: несчастные!

Бог мстит за человечество!

Пессимистический скептик и нигилист кажутся менее холодными, чем насмешливый атеист. Посмотрим, что говорит мрачный Агасфер:

*Вы, у которых недостает милосердия,
Трепещите при виде моего странного наказания:
Бог мстит не за свою божественность,
Но за человечество!*

Лучше погибнуть, чем спастись одному

Лучше погибнуть, чем спастись одному, и несправедливо по отношению к своему роду желать быть правым, не поделившись этою правотою с другими. При том это такая иллюзия – воображать возможность такой привилегии, когда все доказывает солидарность людей между собой и когда никто не может думать иначе, как только при помощи общей мысли, очищенной веками культуры и опыта. Абсолютный индивидуализм есть глупость. Можно быть одиноким в своей частной и временной среде, но каждая из наших мыслей и каждое из наших чувств находит, находило и будет находить свой отголосок в человечестве. Для некоторых людей – которых большие части человечества признают своими вождями, реформаторами и просветителями, отголосок этого огромен и раздается с особенною силой, но нет человека, мысли которого не производили бы на других такого же, хотя и в много раз меньшего действия.

Сказанное слово сохраняет неразрушимое действие, не уничтожаясь

Всякое искреннее проявление души, всякое заявление личного убеждения служат кому-нибудь или чему-нибудь, даже если не знают об этом и даже когда зажимают вам рот или когда накидывают вам мертвую петлю на шею. Слово, сказанное кому-нибудь, сохраняет неразрушимое действие, как всякое движение превращается в иные формы, не уничтожаясь. Вот почему не следует смеяться, а следует молчать, утверждать себя, действовать. Нужно иметь веру в истину, нужно стремиться к истинному и распространять его; нужно любить людей и служить им.

Ученость и даже мысли – это еще не все

9 апреля 1868 г. Провел три часа за толстым томом Лотце (*Gespichte der Aesthetik in Deutschland*). Первое увлечение все убывало и кончилось скукой. Почему? Потому что шум мельницы усыпляет, потому что эти страницы без красной строки, эти нескончаемые главы, это не прекращающееся диалектическое мурлыканье производит на меня действие словесной мельницы. Я кончаю тем, что начинаю зевать, как простой смертный перед этими тяжеловесными сочинениями. Ученость и даже мысли – это еще не все. Немножко ума, остроумия, живости, воображения, грации не повредило бы ничему. Остается ли у вас в памяти образ, формула, поражающий или новый факт, когда вы кладете на место эти педантические книги? Нет, у вас остается усталость и туман. О ясность, точность, краткость! Дидро, Вольтер и даже Галиани! Маленький отрывок Сент-Бёва, Шерера, Ренана, Виктора Шербюлье дает более наслаждения, заставляет больше размышлять, чем тысячи этих немецких страниц, туго набитых до краев, в которых видишь один труд, не видя его результатов. Немцы наваливают вязанки дров, французы приносят искры. Избавьте меня от элукубраций; подавайте мне фактов и мыслей. Оставьте себе наши чаны, ваш виноградный сок, ваши выжимки. Я хочу уже готового вина, которое пенится в стакане и возбуждает способности, вместо того, чтобы отягощать их.

Ошибки поведения стариков, которые не хотят стариться

26 апреля 1868 г. Гулял ночью один. То, что видел, дало мне целый ряд уроков мудрости. Видел колючие кусты, покрывшиеся цветами, и как вся долина воскресла к жизни под дуновением весны. Присутствовал при ошибках поведения стариков, которые не хотят стариться и возмущаются в своем сердце против естественного закона. Я видел на деле легкомысленные браки и болтливые проповеди.

Я видел пустые печали и достойные сожаления одиночества

Я видел пустые печали и достойные сожаления одиночества. Я слышал шутливые разговоры о сумасшествии и радостные песни птиц. И все это сказало мне одно и то же. Приведи себя в согласие со всемирным законом, прими волю Бога, религиозно трать данную тебе жизнь, трудись, покуда светло, будь и серьезен и радостен. Умей повторять вместе с апостолом: «Я научился быть довольным тем положением, в котором нахожусь».

(Продолжение следует)

